

УДК 316.344.8 : 316.334.56

«ГОРОД В СОЗНАНИИ ЕГО ЖИТЕЛЕЙ»: РАБОТА Ф. ЗНАНЕЦКОГО В КОНТЕКСТЕ РАЗРАБОТКИ СОЦИОЛОГИЧЕСКОЙ КОНЦЕПЦИИ ГОРОДСКОЙ ИДЕНТИЧНОСТИ

Мусиездов Алексей Александрович – доктор социологических наук, доцент, профессор кафедры социологии Харьковского национального университета имени В. Н. Каразина

Статья посвящена работе Ф. Знанецкого «Город в сознании его жителей». Ее актуальность аргументируется необходимостью разработки социологической концепции городской идентичности, которая в современных условиях становится все более востребованной. Эта малоизвестная ранее работа является одним из немногих классических источников, в которых напрямую ставится вопрос о городской идентичности, а ее содержание дает материал для формулировки важных теоретических положений. На основании работы Ф. Знанецкого можно сделать выводы о том, что городская идентичность сочетает в себе различные способы идентификации (неосознаваемое отождествление и сознательный выбор); что городская идентичность имеет черты, характерные и для «контактных» («первичных»), и для «вторичных» групп.

Ключевые слова: город, городская идентичность, городское сообщество, Ф. Знанецкий.

Стаття присвячена роботі Ф. Знанецького «Місто у свідомості його жителів». Її актуальність аргументується необхідністю розробки соціологічної концепції міської ідентичності, яка в сучасних умовах стає все більш затребуваною. Ця маловідома раніше робота є одним з небагатьох класичних джерел, в яких безпосередньо ставиться питання про міський ідентичності, а її зміст дає матеріал для формулювання важливих теоретичних положень. На основі роботи Ф. Знанецького можна зробити висновки про те, що міська ідентичність поєднує в собі різні способи ідентифікації (неусвідомлене ототожнення та свідомий вибір); що міська ідентичність має риси, характерні і для «контактних» («первинних»), і для «вторинних» груп.

Ключові слова: місто, міська ідентичність, міська спільнота, Ф. Знанецький.

The article deals with the work of F. Znaniecki «City in the minds of its inhabitants». The importance of the necessity of developing the sociological concept of urban identity, which is becoming more actual one in modern circumstances, is argued. This previously little-known work is one of the few classical sources, which directly raises the question of urban identity, and its content provides the material for the formulation of important theoretical positions. On the basis of F. Znaniecki work the following conclusions can be made. Urban identity includes different ways of identification (unconscious identification and conscious choice). Urban identity has traits both of “contact” (“primary”) and “secondary” groups.

Keywords: city, urban identity, urban community, F. Znaniecki.

Процессы, происходящие в современном обществе, все чаще заставляют человека задумываться о том, кем он является. Глобализация мира приводит как к унификации культур и стиранию различий между обществами, так и к ответным процессам. Информационные и коммуникационные технологии способствуют распространению значений и образцов поведения, характерных для других обществ. Постсоветские социальные изменения до сих пор находят свое продолжение в поиске и утверждении новых социальных ценностей, норм, групп и т.д. Скорость изменений в современном мире не способствует установлению определенности и проблематизирует идентичности. В такой ситуации общество утрачивает возможность однозначно приписывать идентичность своим членам, и люди пытаются найти себя более или менее самостоятельно. Часто это происходит посредством выстраивания и артикуляции принадлежности к тем, кто наиболее очевидным образом кажется «своим», «близким» – семье и соседям, представителям своей религии и поколения, этнической группы и т.д. [1]. Важное место в этом ряду занимает и территориальная принадлежность – к своему селу или городу, региону, стране и т.п. Связь с ними представляется естественной и непроблематичной, могущей легко стать одним из элементов личностной определенности.

В этом контексте городская идентичность, казалось бы, не должна быть важной, особенно учитывая тот факт, что большинство населения являются горожанами, а сам городской образ жизни

весьма унифицирован. Однако все большее значение символической составляющей в функционировании современного общества вообще и (глобальной) экономики, в частности, проявляется, среди прочего, в активном конструировании городских брендов с целью привлечения желаемых ресурсов. А это, в свою очередь, способствует рефлексии горожан относительно собственной специфики как жителей именно данного города, росту их самоопределения и самосознания, осмыслению своего «права на город» и принципов общежития в рамках городского сообщества и т.д. [2].

Другими словами, можем наблюдать явную актуализацию городской идентичности, что требует адекватного ответа, в том числе, со стороны социологии – наличия социологической концепции городской идентичности как теоретико-методологической основы для ее изучения. На данный момент можем констатировать, что, несмотря на отдельные эпизодические упоминания и апелляции к важности данного феномена, такой концепции не существует¹. Задача построения концепции городской идентичности не может не включать в себя обращение к социологической классике, в которой можно попытаться найти некоторые ответы на интересующие вопросы.

Как показывает анализ, в отношении городской идентичности как принадлежности к городскому сообществу социологическая классика довольно противоречива [8]. Так, для М. Вебера город выступает союзом горожан, находящихся в одинаковом правовом положении, и составляющим официальное и снабженное особыми органами социальное объединение [9]. В основе существования такого союза лежит то, что названо М. Вебером «характер корпоративности» (*Verbandscharakter*), что может быть интерпретировано как понимание горожанами единства городского сообщества, проистекающего из общих условий существования, то есть, в сущности, – как городская идентичность. В противоположность этому Г. Зиммель рассматривал город как среду, способствующую индивидуализации его жителей [10]. Такая позиция оказалась более распространенной среди исследователей. Так, Л. Вирт, который в своей работе «Урбанизм как образ жизни» подытожил взгляды чикагской школы, с одной стороны, говорил об унификации городского образа жизни под воздействием общих факторов городской среды, но с другой, – об отсутствии городской идентичности: «отсутствие общей традиции и общего опыта делают невозможной и общую идентичность» (цит. по: [11, p. 56]).

В этом контексте представляется важным обратиться к работе, которая могла бы стать классической именно в рамках анализа городской идентичности, но оказалась малоизвестной и не переведенной с польского на иностранные языки. Речь идет о работе Флориана Знанецкого «Город в сознании его жителей» [12], написанной в 1931 году по результатам эмпирического исследования. Результаты исследования, равно как и теоретические предпосылки, из которых исходил автор, являются весьма ценным вкладом в разработку социологической концепции городской идентичности.

Ф. Знанецкий выделяет два направления городских исследований, существовавших в его время. Во-первых, это анализ города как совокупности сложных общественных явлений, связанных с городским сообществом, – бедность, преступность, театр и кино, отдельные профессии и классы, семейная жизнь т.д. Во-вторых, – исследование города как пространственного образования. Примером последнего подхода является «человеческая экология» чикагской школы. Ф. Знанецкий пишет²: «В отличие от обоих вышеупомянутых основных типов исследований, мы избрали в качестве точки отсчета понятие города как целостности непространственной, человеческой, реализующейся в опыте и деятельности людей. Люди действительно живут на городской территории и по этой причине считаются «жителями» города; пространственные условия их жизни оказывают влияние на их жизнь: это, однако, не означает, что они могут быть полностью помещены в эту территорию как в дом или трамвай. В конце концов, они являются не только телами, но и чувствующими и действующими лицами, и в этом отношении они не находятся в городе, но – если так можно выразиться – город находится в сфере их общего опыта и деятельности, они его создают как самую сложную общественную структуру» [12, s. IX-X].

Городское сообщество является совокупностью различных сообществ, объединенных на различных основаниях – профессиональных, классовых, религиозных, этнических и т.д. Ф. Знанецкого интересует «ощущение духовной общности, благодаря которому город существует как человеческая целостность» (*całość humanistyczna*) [12, s. XI]. Это ощущение автор пытается исследовать, отталкиваясь

¹ Исключение составляет монография А. Микляевой и П. Румянцевой «Городская идентичность жителя современного мегаполиса. Ресурс личностного благополучия или зона повышенного риска?», вышедшая в 2011 году [3] – единственная книга, посвященная городской идентичности. Однако данная работа является результатом ряда психологических исследований, проведенных авторами, и не может отвечать на вопросы, интересующие социологическую теорию и практику. В западной традиции близкая тематика также развивается в рамках психологических исследований [4–7].

² Здесь и далее цитаты из работы Ф. Знанецкого даются в переводе автора данной статьи.

от идеи о том, что общественная связь (связь между индивидами, группами, индивидом и группой) предполагает наличие некоторых взаимных обязательств и ожиданий от партнеров по взаимодействию.

Непосредственным объектом исследования является город Познань, готовящийся к «Общенациональной выставке». Предполагалось, что это событие должно поднять интерес местных жителей к городским делам и увеличить чувство принадлежности к городу; что оно покажет скрытые и дремлющие в повседневной жизни стремления людей к развитию города. Целью исследования было выяснение вопроса о том, «какие конструктивные общественные силы своих жителей городское сообщество Познани фактически использует в своей публичной жизни, и какие бы еще могла использовать без ущерба для других социальных групп, если бы идеалом его руководителей, разделяемым всеми, было обогащение ее общественного содержания и рост его духовной силы» [12, s. 8]. Другими словами, «какие основания имеет городское сообщество Познани в моральном сознании его жителей, и в каком направлении эти основания могли бы быть при желании расширены» [12, s. 8].

В теоретическом плане такое исследование показывало бы, что социальные группы и общности не только приспособляются к условиям, не зависящим от их воли, но и могут сами оказывать влияние на эти условия и определять собственное развитие – вопрос, который социологическая классика в поисках факторов социального развития нередко оставляла без внимания.

В целях сбора эмпирической информации Польским социологическим институтом был объявлен конкурс на лучший ответ на вопрос «Чем был и чем является для Вас город Познань?». Первый приз составлял 500 злотых, второй, третий и четвертый – 300, 200 и 100 злотых, соответственно. К участию в конкурсе приглашались все желающие, без ограничения по полу, происхождению, роду занятий или уровню достатка. Слабая грамотность, неаккуратное письмо, плохой стиль и т.п. не являлись преградой для получения приза. Работы оценивались исключительно с точки зрения их искренности, точности и подробности изложения материала. Каждая конкурсная работа должна была содержать не менее 40 страниц текста (чем больше, тем лучше), биографию пишущего, описание его отношений с органами городской власти и т.д. Ключевые вопросы, на которые предлагалось ответить, конкретизируя основную тему конкурса, относились к оценке того, что хорошего и/или плохого город сделал для пишущего и пишущий для города; является ли пишущий «моральным должником» города или, наоборот, город ему должен; что он знает о городе и его жителях, составляющих различные социальные группы; по какой причине пишущий является жителем города; насколько хорошо ему известны другие города и то, какой представляется Познань приезжим или жителям других городов; каковы нужды города и что необходимо для того, чтобы сделать Познань идеальным городом и т.п. Рукописи оценивались анонимно. На конкурс было прислано 27 работ, содержание которых и стало материалом исследования.

Общий вывод, сделанный по результатам исследования, состоит в том, что городские дела не имеют большой актуальности в глазах его жителей. Несмотря на то, что большинство горожан демонстрируют привязанность к городу, в их оценках города существенно больше оценок отрицательных. По мнению Ф. Знанецкого, это обусловлено тем, что многие сравнивают свой город либо с другими городами, либо с некоторыми представлениями об идеальном городе, существующими в общественном сознании. При этом, чем меньше участие человека в делах города и чем меньше у него возможностей для этого, тем более критически он настроен.

Под «городом» респонденты понимают разные вещи. Так, например, когда речь идет о позитивных оценках города, под «городом» понимается «моральная общность», интерпретируемая, главным образом, как часть «польского народа» в целом, тогда как в случае негативных оценок имеется в виду «местное сообщество» как территориально организованная группа, чья организация предполагает наличие определенных «функционеров».

Как уже было сказано, отношение между городом и человеком раскрываются посредством оценки того, кто – город или человек – больше сделал для или испытал несправедливость от другого. Соответственно, вопрос о связи человека с городом формулируется в терминах «морального долга». Что же должны город и его житель друг другу?

Казалось бы, среди прочего, едва ли не основным измерением отношений в данном случае должно стать отношение экономическое – горожанин платит налоги, а город обеспечивает его необходимыми условиями. Теоретически пользование этими условиями зависит от величины «вклада» горожанина в городскую собственность. Ссылаясь на ряд примеров, Ф. Знанецкий утверждает, что экономическое измерение не позволяет выяснить воспринимаемый «моральный долг» города перед человеком или человека перед городом.

Собственность города – это собственность, созданная его жителями, как нынешним, так и предыдущими поколениями, которые уже не могут ею воспользоваться. Причем речь может идти о вещах, вообще мало поддающихся экономической оценке (библиотека, костел и т.д.). Отсюда проистекает идея о необходимости равного доступа к пользованию городской собственностью. В этом состоит обязательство группы перед ее членом. В свою очередь, обязательство члена группы – сохранить (и по возможности приумножить) материальные ценности, обеспечив другим такую же возможность пользоваться ими. Разумеется, реальность нередко оказывается далека от подобных идеалов – что интерпретируется как несправедливость по отношению к слабым и бедным членам группы со стороны сильных и богатых.

Указав на источники неравенства, Ф. Знанецкий задается вопросом – какое влияние имеет это неравенство в получаемых преимуществах на осознание общественной связи между группой и человеком?

Оценка человеком величины благ, полученных от города, субъективна и не зависит от фактической величины этих благ. Так, например, люди, для которых город является родным, вообще менее склонны размышлять о взаимном балансе. Для приехавших ситуация оказывается иной: «В других родах социальных групп новые их члены часто, по крайней мере, в рефлексивном отношении, бывают наиболее лояльными по отношению к данной группе и выше ценят ее, вероятно, потому, что сильнее других нуждаются в утверждении собственной принадлежности к ней» [12, s. 53].

Ф. Знанецкий выделяет ряд обязательств члена городского сообщества:

- предоставление группе средств, делающих возможным дальнейший доступ данного члена к групповым ценностям;
- предоставление группе средств, делающих возможным дальнейшее оказание услуг данному члену;
- участие в содержании и приумножении групповых ценностей в пользу других членов группы;
- участие в предоставлении услуг другим членам группы.

Однако современная ситуация характеризуется сведением данных обязательств исключительно к экономическому измерению – к уплате налогов. Хотя по сути это не означает «упразднения» описанных обязательств, а лишь передачу ответственности за их выполнение на «функционеров», осознание обязательств вытесняется из сознания индивидов, что подрывает групповую солидарность. Происходящее Ф. Знанецкий описывает так: «Индивидуалистическая рационализация групповых отношений является симптомом распада чувства общественной принадлежности, связи человека с группой как целостностью» [12, s. 42].

Вопрос о желании остаться в городе или уехать в другое место осмысливается в контексте сравнения с другими городами, но не в сравнении с сельской жизнью. При этом мотивы, высказанные респондентами, являются сугубо личными, не связаны с жизнью города как сообщества (семья, «родина», друзья и знакомые, работа и т.д.). Лишь некоторые указывают на косвенные показатели организации городского сообщества – чистота, порядок, внешний вид города. В любом случае интерпретация города как сообщества находится далеко не на первом месте в сознании респондентов: «В рациональном обосновании факта собственной принадлежности к городскому сообществу субъективно-индивидуальные представления оказываются гораздо более важными, чем объективно-общественные» [12, s. 51]. В то же время, в случае аргументации нежелания оставаться в городе чаще используются объективные свойства города.

Сравнивая принадлежность к городу с принадлежностью к другим группам – церкви, народу, партии и т.д., Ф. Знанецкий отмечает, что в этом случае подчеркиваются объективные характеристики, поскольку в сознании их членов группа наделяется особым «объективным» значением – обладанием «истиной» (о боге, о культуре, о политике и т.д.). В случае принадлежности к городу такое положение вещей не наблюдается – город не оказывается чем-то, встроенным в картину мира, в которой он обладал бы сакральным значением: «Даже авторы с наиболее сильной привязанностью к Познани не утверждают, что с какой-либо точки зрения их город объективно совершеннее всех других городов на земле» [12, s. 53]. Раскрывая эту мысль, Ф. Знанецкий пишет: «Сравнение мотивов принадлежности к городу с мотивами принадлежности к другим группам и сообществам выказывает в конце концов полное отсутствие у наших авторов единого основного мотива: чувство морального долга, понуждающего личность оставаться в своей группе и не покидать ее, не переходить ни в одну другую группу того же рода. Изменение принадлежности религиозной, национальной, партийной представляются в глазах группы, которую личность покидает, чем-то заслуживающим осуждения, иногда просто изменой. До недавних пор подобную интерпретацию имела государственная принадлежность и лишь в последнее время эмиграция за пределы государства стала расцениваться чем-то нормальным, как минимум допустимым, и то не всегда. Еще раньше было время, когда и город выдвигал своим жителям подобные моральные обязательства; сегодня, однако, они исчезли без следа. Объясняется это, несомненно, различием в пространственной мобильности членов гражданских сообществ. Изменение места жительства не

ведет автоматически к изменению групповой принадлежности личности, опосредовано, однако, оно является причиной ослабления старых и навязывания новых общественных связей; очевидно, его влияние является наиболее сильным тогда, когда речь идет о принадлежности к группам и сообществам территориальным. Эти группы, однако, в значительно большей мере должны были приспособляться к современной пространственной мобильности людей, чем другие типы социальных групп; поскольку перемещения из одного территориального сообщества в другое внутри страны гораздо более распространены, чем эмиграция из одной страны в другую, большинство территориальных сообществ, особенно городских, раньше, чем государства, отказались требовать верности от своих членов» [12, s. 54].

Ключевые выводы исследования Ф. Знанецкого можно представить следующим образом:

- Заинтересованность местных жителей друг в друге несравненно больше, чем заинтересованность в городском сообществе как целостности и его институциями.

- Каждое обобщение, каждое описание индивидуального факта, опуская вопрос о его правдивости или ложности, прямо или косвенно коррелирует с оценкой, иногда положительной, чаще – отрицательной. Городское сообщество является собранием людей, стремящихся взаимно контролировать и регулировать свою деятельность таким образом, чтобы она соответствовала определенным социальным нормам. Но респонденты трактуют их по-разному, что означает, что силы социального контроля в городе гораздо меньше, чем в сельской местности или в малом городе.

- Каждый житель в глазах своих соседей является предметом разных обязательств, членом социальных отношений и как житель города в целом, и как представитель той или иной социальной группы. Обязанности местного жителя – представителя той или иной группы, в первую очередь, проистекают из характеристик самой этой группы, во вторую очередь – из его характеристик как представителя народа, и лишь в третью очередь из его характеристик как члена других групп, в том числе как представителя городского сообщества. Так, например, «познанский врач или торговец в представлении наших авторов, вероятно, имеет такие же обязанности в отношении своих пациентов или клиентов из любой другой местности, как и в отношении жителей Познани» [12, s. 139]. Отсюда можно сделать вывод о том, что относительно сообщества жителей обязанности его членов являются только потенциальными, однако могущими актуализироваться в любой момент. Однако не существует социальной группы, которая могла бы организовать и объединить все эти отношения в некий общий общественный уклад, использовать скрытые в них общественные силы и направить их к достижению каких-либо идеалов. Хотя частично это пытаются осуществить местные власти, государство, церковь и др.

- Респондентами иногда высказываются идеи о необходимости городской солидарности, понимаемой как своего рода преодоление социально-классовых различий для взаимопомощи и достижения общего блага. Эту идею в целом Ф. Знанецкий поддерживает и не считает такой уж невозможной. Такое объединение должно было бы основываться на интересах той или иной профессиональной группы, составляющей большинство среди городских жителей. Общественное объединение в рамках территориальной городской общины представляется ему более предпочтительным по сравнению с государственным, поскольку в данном случае оно будет в меньшей степени опираться на принуждение, но на моральные обязательства: «Мы, однако, отдаем себе отчет в том, что городская община, которая бы хотела осуществить эти функции, должна была бы значительно изменить свое устройство и развить такие стороны своей деятельности, которые в последние несколько поколений, вследствие появления новых технических и экономических условий, не только не развивались, но, наоборот, все быстрее исчезали» [12, s. 141].

Другими словами, речь идет о том, что, хотя существование городского сообщества признается, принадлежность его членов к другим группам является более важной по сравнению с принадлежностью к городскому сообществу в выдвигаемых к ним требованиях и ожиданиях. Различия в трактовках требований и ожиданий, предъявляемых к члену городского сообщества, свидетельствуют о слабом социальном контроле и невысокой важности городского сообщества для его жителей.

Как несложно заметить, указанные положения во многом сходны с идеями чикагской школы о том, что существование городского сообщества как «морального единства» достаточно проблематично – описанное исследование подтверждает их на эмпирическом уровне.

С точки зрения разработки социологической концепции городской идентичности, не менее важным является формулировка Ф. Знанецким следующих типичных мотивов привязанности к городу:

- иррациональная привязанность к городу, проистекающая из множества эмоционально окрашенных связей;

- практические соображения;

- комплекс привычек, которые человек не хочет менять;
- социальные связи с другими жителями.

Выделение этих мотивов, среди прочего, позволяет уточнить вопрос о специфике городской идентичности в сравнении с другими идентичностями, в частности территориальными. Городская идентичность сочетает в себе различные способы идентификации: с одной стороны, она является результатом неосознаваемого отождествления, с другой, – сознательного выбора. При этом в отсутствии четкого представления о том, кто или что составляет городское сообщество как «образец для идентификации», есть все основания полагать, что в данном случае идентичностью является не само это сообщество, но «город», интерпретируемый по-разному в зависимости от обстоятельств. Как мы видели, под «городом» могут пониматься «жители», с которыми взаимодействуют; «функционеры», олицетворяющие организацию местного сообщества; инфраструктура, являющаяся объектом сохранения и развития; некоторое общее пространство как воплощение возможностей и привычки и т.д. Соответственно, городская идентичность имеет черты, характерные и для «контактных» («первичных»), и для «вторичных» групп. В первом случае основой идентификации выступает опыт взаимодействий, тогда как во втором – стереотипы и образы [2].

Таким образом, как видим, работа Ф. Знанецкого «Город в сознании его жителей», представляет собой важный источник для осмысления проблематики городской идентичности, несмотря на то, что в центре ее внимания находится отдельное эмпирическое исследование конкретного польского города, а с момента ее публикации прошло более 80 лет. Выводы и идеи, содержащиеся в ней, несомненно, относятся не только к тем условиям и обстоятельствам, в которых была написана работа, но и имеют существенное значение с точки зрения сегодняшнего дня. Так, например, некоторые из них использованы в рамках разработки социологической концепции городской идентичности [13; 14], другие станут основой новых исследований.

Литература:

1. Ядов В. А. Социальная идентификация в кризисном обществе / В. А. Ядов // Социологический журнал. – 1994. – № 1. – С. 35–52.
2. Мусиездов А. Городу и миру: «маркетинговый» и «психологический» аспекты идентичности города (пример Харькова) / А. Мусиездов // Город как стиль. Статьи и материалы всероссийской научно-практической конференции «ПЕРМЬ КАК СТИЛЬ: формирование современной городской идентичности в России» (Пермь, 13-15 июня 2013 г.). – Пермь : ПГГПУ. – С. 141–144.
3. Микляева А. Городская идентичность жителя современного мегаполиса. Ресурс личностного благополучия или зона повышенного риска? / А. Микляева, П. Румянцев. – М. : Речь, 2011. – 160 с.
4. Proshansky H.M. The city and self-identity / H.M. Proshansky // Journal of Environment and Behaviour. – 1978. – Vol. 10. – P. 57–83.
5. Breakwell G. M. Social representations and social identity / G. M. Breakwell // Textes sur les Représentations Sociales. – 1993. – Vol. 2(3). – P. 1–217.
6. Lalli M. Urban-related identity: Theory, measurement, and empirical findings / M. Lalli // Journal of Environmental Psychology. – 1992. – Vol 12 (4). – P. 285–303.
7. Pol E. The theoretical background of the city-identity-sustainability network / E. Pol // Environment and Behavior. – 2002. – № 34(1). – P. 8–25.
8. Мусиездов А. Проблематика городской идентичности в социологической классике / А. Мусиездов // Вісник Харківського національного університету імені В. Н. Каразіна «Соціологічні дослідження сучасного суспільства: методологія, теорія, методи». – 2013. – № 1045. – С. 30–36.
9. Вебер М. Город / М. Вебер ; пер. с нем. М. Левиной // Вебер М. Избранное. Образ общества / М. Вебер. – М. : Юрист, 1994. – С. 309–446.
10. Зиммель Г. Большие города и духовная жизнь / Г. Зиммель ; пер. с нем. // Логос. – 2002. – № 3 (34). – С. 1–12.
11. Flanagan W. G. Urban Sociology: Images and Structure / W. G. Flanagan. – Boston : Allyn and Bacon, 1999. – 430 p.
12. Znaniecki F. Miasto w świadomości jego obywateli / F. Znaniecki. – Poznań : Wydawnictwo Polskiego Instytutu Socjologicznego, 1931. – 141 s.
13. Мусиездов А. Социологическая концепция городской идентичности / А. Мусиездов. – Х.: ХНУ имени В. Н. Каразіна, 2013. – 372 с.
14. Мусієздов О. Три виміри міської ідентичності / О. Мусієздов // Місто й оновлення. Урбаністичні студії / Представництво Фонду ім. Гайнріха Бюлля в Україні; Редкол.: С. Шліпченко, В. Тимінський, А. Макаренко, Л. Малес, І. Тищенко. — К.: ФОП Москаленко О. М., 2013. – С. 129–139.